

О ДИАЛЕКТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

А. Н. Сахаров

1. Значение одной дискуссии

Не так давно в советской историографии состоялась короткая, но многозначительная дискуссия. П. Г. Рынτζюнский и И. Д. Ковальченко с Л. В. Миловым обменялись мнениями о степени интенсивности оброчной эксплуатации русского крестьянства в центральных районах страны в XVIII—XIX веках¹. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов считают, что максимальное наращивание оброка достигло предела еще в XVIII в. и тем самым исчерпало возможности крестьянского хозяйства как в промыслах, так и в земледелии. «В целом брала верх тенденция установления непосильных для основной массы крестьян повинностей», — пишут они. А это, в свою очередь, приводило к снижению уровня земледелия и скотоводства, ухудшению положения крестьян и замедлению роста населения в крепостной деревне и даже его сокращению².

Иной точки зрения придерживается П. Г. Рынτζюнский. Не отрицая усиления оброчной эксплуатации крепостного крестьянства в этот период, он подчеркивает, что «возвышение оброка в целом отражало, хотя и непропорционально, возрастание материальных ресурсов во всей основной массе крестьянства»³. П. Г. Рынτζюнский обращает внимание на то, что большая часть феодальных платежей вносилась зажиточными крестьянами, для которых эти платежи были сравнительно легки, в то время как у бедняков они отнимали действительно все, «до последнего предела». По существу, тот самый «предел эксплуатации», который И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов относят ко всей массе крепостного крестьянства, П. Г. Рынτζюнский применяет лишь к его беднейшей части. Он говорит об «относительном соответствии» оброка и новых материальных возможностей крепостного сельского населения, «что вполне совмещалось с усилением их (крестьян.— А. С.) эксплуатации». Отсюда у П. Г. Рынτζюнского следует и принципиально иной вывод о путях развития русского крепостного крестьянства XVIII—XIX веков. «Крестьянское хозяйство, — отмечает он, — не было лишь объектом хозяйственной

¹ И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в. «История СССР», 1966, № 4; П. Г. Рынτζюнский. Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в. (О статье И. Д. Ковальченко и Л. В. Милова). «История СССР», 1966, № 6; И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Еще раз о методике изучения интенсивности эксплуатации оброчного крестьянства. «История СССР», 1967, № 2.

² И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII — первой половине XIX в., стр. 71, 73, 74.

³ П. Г. Рынτζюнский. Указ. соч., стр. 52.

воли помещика. Оно развивалось во всей своей массе... Разница между доходами и оброками возрастала, т. е. эксплуататорское рвение помещика не могло поспеть за растущей производительностью деревенского сельского хозяйства... Этот рост прежде всего сказывался во все большем включении в активную трудовую деятельность людских ресурсов деревни, в усилении многообразия хозяйственных занятий крестьян, в фактическом расширении свободы их передвижения, в применении внешне не всегда заметных лучших способов земледелия и промышленного труда». П. Г. Рындынский считает, что в русской крепостной деревне в рассматриваемый период «преобладали не признаки упадка и «снижения хозяйственного уровня», а восходящие прогрессивные токи»⁴, которые пробивали себе дорогу, несмотря на тяжелый крепостнический режим.

Мы остановились на этой дискуссии потому, что она, на наш взгляд, рельефно отражает специфические пути изучения истории русского крестьянства в советской историографии. В течение длительного времени советские историки при разработке этой темы руководствовались прежде всего закономерным стремлением преодолеть оставшиеся в наследие от дореволюционной историографии дворянско-буржуазные концепции в области аграрной истории России. Нужно было вскрыть антинаучность идеализированных представлений об отношениях помещика и крестьянина, классовую основу этих отношений, показать эксплуататорскую сущность политики русского самодержавного государства в отношении широчайших масс крестьянства. Ведущее место в советской историографии русского крестьянства по праву заняли блестящие полемические работы акад. Б. Д. Грекова и среди них крупнейшая его монография «Крестьяне на Руси». Исследования советских историков-аграрников конца 20 — середины 50-х годов сыграли выдающуюся роль в советской историографии: именно им суждено было утвердить марксистско-ленинскую концепцию истории русского крестьянства, показать антагонистический классовый характер отношений феодалов и крестьян, определить этапы закрепощения русского крестьянства, усиление его эксплуатации феодалами-крепостниками и самодержавным государством.

Однако с течением времени становилось все более и более очевидным, что в пылу научной полемики с концепциями дворянско-буржуазной историографии некоторые советские историки стали впадать в другую крайность: вся аграрная история России (а не только периода кризиса феодально-крепостной системы) стала представлять лишь сквозь призму бесконечного ухудшения положения русского крестьянства в связи с перманентным насилием феодалов и феодального государства над трудящимися массами русской деревни; свой научный поиск историки начали подчинять показу лишь этой стороны жизни русской деревни. Так, один из важнейших аргументов в борьбе с дворянско-буржуазными концепциями истории русского крестьянства, по существу, превратился в самостоятельную и едва ли не основную область русской аграрной истории. Книга Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси» ярко отразила и эту тенденцию тех лет.

Вместе с тем весь ход развития советской исторической науки должен был рано или поздно подвести историков русского крестьянства к корректированию традиционных взглядов. Этот процесс начался в конце 50-х годов, по мере накопления нового материала. Продолжается он и поныне. Его характерной чертой является то, что он вбирает в себя все завоевания марксистско-ленинской исторической науки прошлых десятилетий, всю научную аргументацию тех лет, но подвергает сомнению

⁴ Там же, стр. 59, 63—64; см. также П. Г. Рындынский. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г. «Вопросы истории», 1967, № 7.

любые попытки выдать одностороннюю аргументацию (необходимую и неотъемлемую часть полемики) за единственную концепцию. Историки русского крестьянства все чаще стремятся показать глубокие антагонистические классовые противоречия, свойственные русской деревне периода феодализма, в диалектическом развитии, отходя от схематического и упрощенного понимания этих противоречий как неизменных и однозначных на всех этапах отечественной истории.

Упомянутая выше дискуссия является закономерным отражением этого движения в советской историографии. Если И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов представляют в ней традиционную линию развития советской аграрной историографии, то П. Г. Рынцунский пытается сформулировать новое отношение к предмету исследования, которое в последнее время ощущимо обозначилось в нашей исторической литературе. Мы далеки от того, чтобы определять правомерность тех или иных аргументов спорящих сторон. Скорее всего, как это бывает в научном споре такого рода, по-своему правы обе стороны. И. Д. Ковальченко и Л. В. Милов совершенно справедливо привлекают внимание к тяжелейшему положению русского крестьянства, усилению его эксплуатации классом феодалов и феодальным государством, особенно в период кризиса феодально-крепостной системы. Эта линия исследования, начатая корифеями отечественной историографии русского крестьянства еще в 1920—1930-е годы, по-прежнему остается ведущей, основной для историка русского крестьянства. И ее успешно разрабатывает большая группа историков-аграрников. Но прав и П. Г. Рынцунский, отмечая имеющую место в современной историографии недооценку позитивной и активной роли русского крестьянства в социально-экономической жизни страны.

Обе линии исследования представляются плодотворными. Они не исключают, а дополняют одна другую. И задача, на наш взгляд, состоит не в размежевании указанных точек зрения, а в достижении их творческого синтеза на основе марксистско-ленинского понимания феодальной формации, роли народных масс в истории. Работы по истории русского крестьянства, вышедшие в последние годы, отражают это своеобразное положение в советской историографии, то есть стремление как к размежеванию отмеченных точек зрения, так и к их сближению. Анализ этих тенденций, попытки выявить коррективы к традиционному пониманию истории русского крестьянства составляют цель настоящей статьи. В качестве предмета исследования автор берет работы, вышедшие в последние годы (1965—1969 гг.), ограничиваясь теми монографиями и сборниками статей⁵, где наиболее ярко выявились эти противоречивые тенденции и на которые рецензенты до сих пор еще не обратили внимания.

⁵ Г. Е. Кочин. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.-Л. 1965; Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.-Л. 1966; И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М. 1966; А. М. Борисов. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI—XVII веках. Петрозаводск. 1966; Д. И. Петрикеев. Крупное крепостное хозяйство XVII в. Л. 1967; А. Н. Копылов. Русские на Енисее XVII в. Новосибирск. 1965; М. М. Громыко. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск. 1965; А. А. Кондрашенков. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII веках. Челябинск. 1966; И. А. Булыгин. Положение крестьян и товарное производство в России. Вторая половина XVIII в. М. 1966; З. А. Огризко. Из истории крестьянства на Севере феодальной России XVII в. (Особые формы крепостной зависимости). М. 1968; «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР». Сборник VI. М. 1965 (далее: «Материалы...»); «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Доклады и сообщения научной конференции по истории сельского хозяйства и крестьянства Урала и Западной Сибири 10—12 июля 1965 г.». «Ученые записки» Курганского государственного педагогического института. Сборник 38. Свердловск. 1966 (далее: «Вопросы аграрной истории...»); «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сборник статей. Л. 1967; «Новое о прошлом нашей Родины». Сборник статей. М. 1967, и др.

2. Русское крестьянство и развитие производительных сил страны

При разработке этого вопроса советские историки руководствовались известной ленинской характеристикой барщинного хозяйства. В. И. Ленин среди прочих его условий существования назвал господство натурального хозяйства и «крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»⁶. Однако эту характеристику, относившуюся конкретно к барщинному хозяйству, отдельные исследователи без должных оснований стали переносить на феодальную формацию в целом и говорить о признаках феодально-крепостнического хозяйства, хотя известно, что такое хозяйство появилось в России лишь с XV в. и было распространено не повсеместно. Ленинская характеристика стала использоваться при анализе развития производительных сил русской деревни чуть ли не с X по XIX век. На всех этапах русской истории во всех хозяйственных условиях некоторые историки стремились найти лишь черты рутинности производства. Кстати говоря, сделать это было нетрудно, так как сельское хозяйство феодальной России, особенно его микромир феодальных вотчин и поместий, давало изобилие примеров рутинной техники. Однако при таком подходе к вопросу терялась сравнительно-историческая связь развития производительных сил, подход к проблеме становился метафизическим. Действительно, если на каждом историческом отрезке, в каждой вотчине фиксировать лишь черты рутинности русского феодального хозяйства, то трудно представить себе движение исторического процесса, в основе которого лежит не что иное, как развитие производительных сил и производственных отношений. И естественно, что советская историческая наука не могла ограничить себя подобными рамками. Вот почему при создании крупных исторических полотен, связанных с изучением развития феодального способа производства, советские историки неизменно начинали свой анализ с развития производительных сил страны.

Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков показали, как развитие производительных сил Киевской Руси подготовило и обусловило яркий расцвет Древнерусского государства; Л. В. Черепнин выявил, что развитие Русского централизованного государства базировалось на заметных сдвигах в области хозяйства в XIV—XVI веках⁷. Подобный подход к проблеме характерен и для других крупных периодов истории России. Любопытно, что в этих случаях вопрос о рутинности и примитивности русского феодального хозяйства в стране в целом отодвигался на второй план, а на первый выступала великая роль народа-труженика, который своим неустанным повседневным подневольным трудом готовил наступление крупных перемен в социально-экономической и политической жизни страны. Эти две линии исследования развивались параллельно, создавая впечатление о противоречивости взглядов на русское феодальное хозяйство. Однако противоречие было чисто внешним. Просто эти две линии исследования органически не слились. Советская историография не давала ответа на вопрос, могут ли одни и те же явления в области развития производительных сил характеризоваться и как техническая рутинность (по сравнению с уровнем и темпами, скажем, мирового технического прогресса или критериями более позднего времени) и как неоспоримый технический прогресс (по сравнению с предшествующим уровнем, темпами и размахом развития).

⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 185.

⁷ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М.-Л. 1946; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М. 1948; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства. М. 1960.

Как же эта проблема решается советской аграрной историографией в последние годы? Прежде всего выявляется, что призыв П. Г. Рындзюнского изучать развертывание трудовых ресурсов крестьянства во всей их широте и многообразии на всех этапах истории русского феодализма уже имел под собой определенную почву. Вслед за Б. Д. Грековым Г. Е. Кочин обратил внимание на то, что дореволюционная историография, пренебрежительно относившаяся к экономическим достижениям русского крестьянского хозяйства далекого прошлого, именно в силу своего классово ограниченного характера не могла да и не хотела поднять проблему развития производительных сил русской деревни. Для русских дореволюционных историков техника русского сельского хозяйства отмечена лишь печатью отсталости и примитива. Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, например, подчеркивали чрезвычайно низкий материальный уровень русского крестьянства и в связи с этим — благотворное влияние феодального государства в деле прикрепления к земле «бродячего» населения и развития экономики страны. Народ под пером этих историков выступал в роли пассивного объекта, которым для его же блага управляло активное государственное начало. Г. Е. Кочин в своей последней работе выступает против подобного подхода к истории производительных сил на Руси. Он показывает, что уже с X в. начинается неоспоримый прогресс в развитии и совершенствовании орудий земледельческого хозяйства. Победа сохи в русском земледелии в XIV—XV вв., отмечает Г. Е. Кочин, означала решительный шаг в сторону перехода от подсечного к пашенному земледелию. Хозяйство Северо-Восточной Руси постепенно поднималось после его разгрома монголо-татарскими ратями, набирало силы. Уже в 70—80-е годы XIV в. русские княжества материально окрепли и смогли под водительством Москвы сокрушить золотоордынское войско на Куликовом поле.

В это время начинается бурное сельское строительство. Появляется деревня как основная форма сельского поселения⁸, явившаяся следствием неуклонного подъема производительных сил Руси. Именно с этим видом поселения Г. Е. Кочин связывает переход от подсечного к паровому полевому земледелию. В то же время автор подчеркивает медленные темпы перестройки русского сельского хозяйства, что объяснялось сложностью освоения новой агротехники, ограниченностью полевых участков, примитивностью орудий труда. Но что же было основным, доминирующим для русского сельского хозяйства этого периода? Рутинная или технический прогресс? Г. Е. Кочин отвечает на этот вопрос так: характерным было медленное, но неуклонное развитие сельского хозяйства страны⁹. Разделы книги, посвященные развитию скотоводства, сельских промыслов, домашней промышленности, огородничества, лишь подтверждают правильность сделанного вывода. Но все это для Г. Е. Кочина, думается, лишь основа в подходе к главному выводу его монографии о решающей роли в развитии производительных сил русского крестьянства. Крестьянское хозяйство, отмечает он, развивалось на базе своих внутренних сил. Этой базой являлся собственный труд крестьянина, труд его семьи, принадлежавшие ему орудия производства¹⁰. И пусть это хозяйство было бедным и маломощным, задавленным налогами и поборами, но именно оно являлось основой прогресса русской экономики того времени. Н. А. Горская обращается к той же проблеме (но на более позднем хронологическом отрезке) и берет только одну ее сторону. Ее интересует вопрос о развитии техники обработки зерна и зернопродуктов в русском сельском хозяйстве XVI века. Автор констатирует в своем исследовании факт широкого распространения

⁸ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 117.

⁹ Там же, стр. 231.

¹⁰ Там же, стр. 306.

мельниц, в том числе крупных, со второй половины XVI века. Это были мельницы не только крупных землевладельцев. Многие из них принадлежали и крестьянам, которые держали их на оброке. Немало было и таких мельниц, которые находились во владении крестьян. Бурное развитие мельничного дела привело к повсеместному переходу от ручного помола зерна к механическому. А это, в свою очередь, способствовало более высокому качеству помола, появлению высокосортной ржаной, ситной, пшеничной крупитчатой муки, широкому ассортименту хлеба и других мучных изделий¹¹. Заметим, что этот прогресс, по материалам Н. А. Горской, приходится на годы Ливонской войны и опричнины. И посетителями его также являлись в значительной степени русские крестьяне. Любопытный опыт изучения развития производительных сил страны предпринял А. Д. Горский, отметивший развитие и совершенствование русских сох в XV—XVII вв., их дифференциацию в зависимости от местных условий и прежде всего качества почвы¹². Об активном участии крестьянства в развитии производительных сил русского Севера пишет З. А. Огризко. Автор отмечает, что, несмотря на тяжелое положение монастырских половников, их трудом развивалось трехполье, расширялись и осваивались новые земли, улучшалась обработка земли и ее удобрение¹³. И. А. Булыгин, рассматривая положение крестьянства в Пензенской губернии во второй половине XVIII в., также констатирует и для этого хронологического периода заметные сдвиги в развитии производительных сил. В 80—90-е годы XVIII в. здесь более широко стал применяться плуг, начали использоваться железные бороны, земля стала чаще и лучше удобряться, в деревне как в крестьянских, так и в помещичьих хозяйствах вводятся новые, более урожайные сорта зерновых культур. Автор говорит, что к этому времени в губернии «наблюдаются сдвиги в сторону улучшения и рационализации агротехники»¹⁴.

С иных позиций подходит к проблеме развития производительных сил центра страны Д. И. Петрикеев. Изучая крупное феодальное хозяйство боярина Б. И. Морозова, автор исходит из традиционного представления о том, что в феодальном хозяйстве «нельзя отметить каких-либо попыток технических усовершенствований в его земледельческом производстве». «Да это и понятно,— продолжает Д. И. Петрикеев,— феодальное хозяйство по своей природе отличается крайне низким уровнем и рутинным состоянием техники»¹⁵. Он считает, что повышение эффективности сельскохозяйственного производства объяснялось лишь нажимом феодала на крепостное крестьянство, да и сама рационализация земледелия, предпринимаемая Морозовым, «всегда наносила ущерб личному крестьянскому хозяйству»¹⁶. Крестьянство выступает здесь лишь в качестве объекта эксплуатации.

Прежде чем комментировать этот вывод автора, обратим внимание на то, что в вотчине Морозова вводились посевы новых сельскохозяйственных культур, развивалось животноводство, практиковалось удобрение почвы, животноводство обеспечивалось кормовой базой, разводились сады и огороды во всех основных владениях вотчины, было поставлено рыбоводство, сооружались мельницы и т. д. Скептически отзываясь о всех подобных мерах как чисто крепостнических, Д. И. Петрикеев упускает из виду, что эти достижения предпринимались не только за счет нажима на крестьян, но и в результате их личной заинтере-

¹¹ Н. А. Горская. Обработка зерна и зернопродуктов в центральной части Русского государства во второй половине XVI — начале XVII в. «Материалы...», стр. 36—37, 39, 63.

¹² А. Д. Горский. Почвообрабатывающие орудия по данным древнерусских миниатюр XV—XVII вв. «Материалы...», стр. 28, 32.

¹³ З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 91.

¹⁴ И. А. Булыгин. Указ. соч., стр. 53—54.

¹⁵ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 90.

¹⁶ Там же, стр. 91.

сованности. Рыбное хозяйство развивалось при помощи крестьянской аренды, многие мельницы крестьяне брали на оброк (вспомним данные Н. А. Горской), наконец, говоря о развитии вотчинного хозяйства, вряд ли можно упускать из виду основу существования этого хозяйства — труд крестьян на своих собственных участках. Все это указывает на роль крестьянского труда в медленном, но несомненном прогрессе производительных сил сельского хозяйства, несмотря на суровые классовые коллизии того времени, тяжесть подневольного труда, рутинную сельскохозяйственную технику. В свете этих фактов Д. И. Петрикеева можно упрекнуть в некоторой односторонности трактовки роли крестьян в процессе производства.

Особо следует сказать о понимании этого вопроса историками Урала и Сибири. Характерна в этом отношении книга А. Н. Копылова «Русские на Енисее в XVII в.». А. Н. Копылов отмечает, что русский народ в XVII в. совершил беспрецедентный в условиях феодального государства подвиг по освоению Сибири; своим упорным трудом он заложил экономическую основу для будущего развития Сибири как органической части России¹⁷. Данный вывод сделан А. Н. Копыловым на основании сведений о разработке русскими крестьянами целины и накоплении опыта по возделыванию местных почв, об усовершенствовании орудий труда, повышении урожая. Именно этот труд способствовал развитию енисейской пашни, привел к появлению излишков хлеба в Енисейском уезде и обеспечил бесперебойное снабжение хлебом «беспашенных» городов Сибири¹⁸. На подобные же тенденции в применении к сельскому хозяйству Перми Великой в XVI—XVII вв. указал В. А. Оборин, в применении к Якутии XVII в. — В. Н. Иванов, к Западной Сибири XVIII в. — М. М. Громыко, к сельскому хозяйству Урала XVIII в. — М. Н. Мартынов¹⁹.

Таким образом, в работах советских историков последних лет русское крестьянство предстает как трудолюбивое, творческое начало в развитии производительных сил страны, с деятельностью которого связаны яркие страницы истории русского народного хозяйства²⁰.

3. Крестьянство и колонизационное движение

С вопросом о роли русского крестьянства в развитии производительных сил страны связана проблема его участия в колонизационном движении на окраинах. Советская историография давно уже признала, что колонизация необжитых районов в центре страны, на Севере, Урале, в Западной Сибири составила целую эпоху в истории России и явилась мощным экономическим фактором, оказывающим длительное и сильное воздействие на развитие социальных и политических тенденций в русском обществе со времен чуть ли не Киевской Руси и до XX века. Однако вплоть до последнего времени историки, на наш взгляд, недооценивали выдающуюся роль русского крестьянства в этом процессе. Причина этого заключается, как нам кажется, в том, что некоторые иссле-

¹⁷ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 255.

¹⁸ Там же, стр. 41.

¹⁹ В. А. Оборин. Сельское хозяйство Перми Великой в XVI—XVII вв. «Вопросы аграрной истории...», стр. 65—67; В. Н. Иванов. Земледелие у якутов в XVII в. «Материалы...», стр. 85; М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 160; М. Н. Мартынов. Земледелие на Урале во второй половине XVIII в. «Материалы...», стр. 99—117.

²⁰ В этой связи нельзя не упомянуть добрым словом недавно вышедшую книгу «Из исторического опыта сельского хозяйства СССР». Сборник статей. М. 1969. Ее авторы бережно и скрупулезно собрали интересный материал об успехах русского сельского хозяйства, о замечательных достижениях народа-труженика, о его наблюдательности, опыте, мудрости, о том, что этот народ не прошел по истории бесследно и беспмятно, но, пережив тяжелые испытания, оставил ошутимый след в судьбах поколений.

дователи придавали слишком большое значение придавленности крестьянства крепостническими отношениями, которая виделась им даже там, где для этого не было больших оснований. Подобное явление наблюдается и в работах последнего времени.

Наиболее четко такой подход к этой проблеме выразил, пожалуй, И. У. Будовниц в своей книге «Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках». По мысли автора, в процессе колонизации четко прослеживается действие двух классово враждебных сил — монастырей и крестьян, каждый шаг которых был направлен друг против друга и отношения между которыми И. У. Будовниц четко обозначил в заглавии книги: «борьба». Монастырская колонизация, пишет И. У. Будовниц, протекала уже по проложенному руслу. Монастырь шел вслед за крестьянами, хищнически подчиня себе чужой труд, закабалая крестьян, прибирая к рукам черные крестьянские земли. И повсюду крестьянский мир враждебно встречал отцов-пустынников, давал им суровый отпор. Автор считает, что эта борьба начиналась уже при самом основании монастырей, «а иногда и до этого, когда монастырь находился еще в эмбриональном состоянии, существуя только в тайных намерениях «святого подвижника»²¹. Согласно автору, хищниками пришли к крестьянам и Сергей Радонежский, и Кирилл Белозерский, рубивший лес и сжигавший хворост, чтобы посеять «зеление некое», и Савватий с Германом, заложившие Соловецкий монастырь. Чем подтверждает автор этот основной тезис своей книги? Главным его аргумент — факт заселения этих мест крестьянами задолго до появления «святых отцов». Но столь ли уж безупречен этот аргумент? Сергей поселился в 10 верстах от проезжей дороги... А не слишком ли это большое расстояние по тем непросвещенным временам, чтобы считать данное место уже заселенным крестьянами? Кстати, и сам автор отмечает, что впоследствии изобилие Троице-Сергиевому монастырю принесли «начавшие селиться около монастыря крестьяне»²². Вызывает сомнения и другой аргумент И. У. Будовница: не мог же человек жить один в таких условиях. А раз так, значит, налицо было насилие старцев над крестьянами с первых шагов существования пустыней. И здесь мы сталкиваемся еще с одной теоретической слабостью книги. И. У. Будовниц полностью отрицает религиозный и нравственно-психологический моменты в истории монастырской колонизации. Для читателя остается неизвестным и непонятным, как реально могли поначалу одинокие старцы сокрушить сопротивление крестьян, каким образом государственная власть, выдававшая жалованные и льготные грамоты, практически поддерживала монастыри и насколько эффективной являлась материальная и моральная помощь Москвы. Все эти вопросы порождают сомнения в правильности авторских выводов. Конечно, между крестьянами и монастырями велась напряженная борьба и выявление фактов этой борьбы — важное достоинство книги И. У. Будовница, но рассматривать процесс колонизации только сквозь призму этой борьбы нам представляется неправильным.

Если мы внимательно читаемся в текст книги И. У. Будовница, то заметим, что и сам автор не выдерживает в чистоте провозглашенный им принцип. Он пишет о «религиозном авторитете» монастырей, об эксплуатации религиозных чувств народа²³. Рассуждения о хищнических устремлениях старцев и монахов с первых шагов основания пустыней то и дело перемежаются в книге с картинами сурового быта, трудной борьбы человека с природой, невзирая на то, что этот человек был одет в монашескую сутану. И вряд ли можно однозначно определять от-

²¹ И. У. Будовниц. Указ. соч., стр. 44.

²² Там же, стр. 87.

²³ Там же, стр. 159, 358.

ношения между крестьянским миром и пустыню лишь как отношения насилия. Поначалу, видимо, слабые пустыни держались не столько силой правительственной поддержки, сколько именно тем самым «религиозным авторитетом», о котором писал и сам И. У. Будовниц. Нам хочется подчеркнуть, что советские историки в последнее время в вопросе о колонизации, и в частности монастырской, стремятся выявить не только то, что разделяло, но и связывало крестьян и феодалов в трудном деле освоения природы, хотя интересы их и были абсолютно антагонистическими. Г. Е. Кочин, например, говоря о продвижении русского земледелия на север и северо-восток страны, отмечает, что землевладельцы, в том числе и монастыри, были заинтересованы в появлении новых сельскохозяйственных хозяйств на территории их вотчин и зачастую привлекали крестьян подмогами, ссудами, пожалованиями²⁴.

Нам представляется в принципе неправильным искусственное обособление монастырской и крестьянской колонизации. Это был единый процесс — и в том случае, когда монастырь шел за крестьянином, и в том, когда крестьянин шел за монастырем. В основе этого процесса лежал крестьянский (в основном феодально зависимый) труд, это была крестьянская колонизация, несмотря на то, что первые и весьма значительные очаги земледелия создавали порой и монахи своими собственными руками.

Свою специфику имел колонизационный процесс на Урале и в Сибири. В работах советских историков, исследовавших данный процесс в этих регионах, отмечается, что, несмотря на различный социальный состав колонизационного потока, в его основании также лежала крестьянская колонизация. Именно крестьяне осваивали в хозяйственном отношении новые территории. Причем настоящее освоение края достигалось не благодаря принудительному переселению и не за счет принудительного труда, которые в отдельные периоды истории освоения Урала и Сибири играли весьма значительную роль, а за счет «вольной» крестьянской колонизации. Так, А. Н. Копылов отмечает, что при продвижении русского населения в глубь Сибири в XVII в. впереди шли отряды разведчиков-землепроходцев из числа служилого и торгово-промышленного люда, а затем уже вокруг создаваемых ими острогов начинало формироваться крестьянское и посадское население. Эта-то вторая волна поселенцев и решала задачу освоения края²⁵.

Кем же являлись эти постоянные поселенцы? Вначале это были люди, переведенные в Сибирь в форме принудительного перемещения. Позднее основной поток составила вольно-народная колонизация²⁶. Причину этого перелома А. Н. Копылов видит в успешном развитии земледелия в крае, в новых задачах, которые правительство ставило перед сельскохозяйственным хозяйством в этом районе. Принудительная колонизация не прошла бесследно, она заложила основы земледелия в крае, обеспечила внутренние потребности района в хлебе. Теперь же правительство, опираясь на эту основу, стало широко использовать инициативу вольных переселенцев. Так диалектически переплетались два диаметрально противоположных колонизационных потока, дополняя один другой, действуя в общем русле развития русского земледелия в Восточной Сибири. А. Н. Копылов отмечает, что волна вольных поселенцев шла в основном из районов русского Поморья, это были черносошные крестьяне²⁷. При этом правительство требовало от местных воевод соблюдения лишь одного правила — не принимать беглых людей, покинувших тягло на Руси. Практически это правило не соблюдалось.

²⁴ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 387.

²⁵ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 28—30.

²⁶ Там же, стр. 30, 36—37, 39.

²⁷ Там же, стр. 43, 47, 50, 52—53.

Оно действовало лишь в случае запросов из центра по поводу бегства частновладельческих крестьян. «Нам неизвестны случаи,— пишет А. Н. Копылов,— водворения обратно осевших в Сибири тягловцев из посадских и крестьянских миров Поморья, откуда шла основная масса переселенцев»²⁸.

Таким образом, процесс освоения русскими людьми районов Восточной Сибири сопровождался широкой инициативой крестьянского населения, которое видело в переселении возможность выйти за рамки существующих на Руси феодально-крепостнических отношений, и правительство вынуждено было смотреть сквозь пальцы на эту практику развития и освоения новых районов страны. М. М. Громыко, рассказывая о колонизации Западной Сибири в XVIII в., также отмечает, что заселение района происходило преимущественно за счет государственных крестьян, которые селились на государственных же землях²⁹. Это было продолжением вольной колонизации Сибири, начатой еще в XVII веке. На эту же сторону процесса указывает в применении к Зауралью в XVII—XVIII вв. А. А. Кондрашенков³⁰. Основную роль и здесь играла вольная крестьянская колонизация, среди вольных крестьян значительную часть составляли беглые.

Какую же политику проводило правительство в отношении переселенцев? Оно было заинтересовано в освоении сибирских земель и поэтому не препятствовало переселению части государственных крестьян за Урал. Что касается беглых, то воеводы, пишет А. А. Кондрашенков, смотрели зачастую сквозь пальцы на их приток в Зауралье³¹. В. М. Кабузан и С. М. Троицкий, анализируя динамику численности населения Сибири во второй половине XVIII в., отмечают, что поток переселенцев состоял из самых различных частей. Здесь были и вольные переселенцы из центральных районов России, Поморья, Приуралья, Севера, Пермской губернии, и беглые помещичьи крестьяне, и ссыльные. Основную массу составляли государственные крестьяне³².

А. А. Преображенский, исследуя природу миграционных процессов на Урале и в Западной Сибири XVII—XVIII вв., приходит к выводу, что в основе освоения этих районов лежит крестьянская колонизация, а главной ее фигурой является черносошный крестьянин русского Севера. Среди поселенцев было много беглых крестьян. А. А. Преображенский, на наш взгляд, совершенно правильно подчеркивает, что бегство — это сложный социально-экономический процесс, отражающий расслоение черносошной деревни и стремление «миров» избавиться от горючего материала — бедности, что среди беглых следует выделять категорию, так сказать, «легально беглых» — крестьян, отпущенных из-за «хлебной скудости» в другие районы страны с отпускными письмами, подорожными грамотами. А. А. Преображенский также отмечает большую терпимость правительственных органов к факту появления беглых крестьян на Урале и в Сибири³³. «Учащение экономического пульса страны,— пишет автор,— сказывалось соответственным образом на миграционных процессах, создавая вопреки крепостнической политике правительства известную подвижность населения, которые служили одним из показателей подрыва старого строя и зарождения новых буржуазных отноше-

²⁸ Там же, стр. 60.

²⁹ М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 40, 43.

³⁰ А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 11, 12, 23.

³¹ Там же, стр. 62.

³² В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Об изменении численности населения в Сибири во второй половине XVIII в. (1762—1795 гг.). «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 136—137, 139, 141.

³³ А. А. Преображенский. К вопросу о миграции населения на Урале и в Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 72, 75.

ний»³⁵. В одной из своих последних работ А. А. Преображенский более четко формулирует мысль о роли колонизации в процессе эволюции феодального строя. Он пишет: «Хронологически апогей крепостничества совпал с колоссальным расширением государственной территории России. Но... освоение этих территорий осуществлялось скорее вопреки крепостничеству, чем в русле его». На подобные же тенденции в колонизационном процессе указывает М. Н. Мартынов применительно к Приуралью³⁶, В. В. Александров — относительно Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII в.³⁷, А. С. Коциевский отмечает их в истории колонизации южной Украины в первой трети XIX века³⁸.

Нам еще раз хочется подчеркнуть, что большинство исследователей, занимающихся изучением колонизации различных территорий России, говорят об успехах этой колонизации там, где налицо было преобладание вольных поселенцев, где крепостническая политика правительства лавировала и иногда отступала перед экономической необходимостью.

4. «Расщепленная» собственность на землю

Принципиально важной темой в историографии русского крестьянства последних лет представляется постановка вопроса о сущности крестьянского землевладения в феодальный период истории России. В настоящее время историки, фигурально говоря, «отводят» крестьянам все больше и больше прав владения на землю, все более полнокровной и самостоятельной признают крестьянскую общину. Лейтмотивом книги Г. Е. Кочина является мысль о том, что черносошные земли — это не только разновидность феодальной собственности на землю. Поддерживая в этом смысле точку зрения И. И. Смирнова³⁹, Г. Е. Кочин считает черные земли разновидностью общественной собственности. Русский крестьянин раннего средневековья — собственник земли, а не пользователь. И это право собственности он осуществляет через посредство крестьянской общины. Свободное, нефеодалное общественное землевладение Г. Е. Кочин считает историческим предшественником и социальным антагонистом феодального землевладения⁴⁰. Близок к такому пониманию черного землевладения и Ю. Г. Алексеев. Черные волости XIII—XV вв., пишет он, это «наследницы верви «Русской Правды», это свободные организации, а волостная собственность — свободная общая крестьянская собственность». На примере землевладения Переяславского уезда XV в. автор показывает, что количественно волостные и становые земли преобладают над феодальными. Деревня свободного волостного или станового человека является неотъемлемой частью пейзажа среднерусского уезда на рубеже XV—XVI вв., а сам этот человек — «существенно важный элемент социальной истории своего времени»⁴¹. Участок земли является собственностью владельца, и он может им распоряжаться по своему усмотрению, но этот «аллод» не перестает быть частью волостной общинной собственности. Подобный подход к вопросу позволяет автору увидеть в крестьянской общине — волости и феодальной вотчине две основные социально противоположные обще-

³⁵ Там же, стр. 83.

³⁶ М. Н. Мартынов. Земледелие на Урале во второй половине XVIII в. «Материалы...», стр. 89.

³⁷ В. В. Александров. Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.). «История СССР», 1968, № 2, стр. 49.

³⁸ А. С. Коциевский. Крестьянская колонизация южной Украины в первой трети XIX в. «Материалы...», стр. 123, 127, 132.

³⁹ См. И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв. «История СССР», 1962, № 2, стр. 138—161; № 3, стр. 137—161, 148.

⁴⁰ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 370—371.

⁴¹ Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 16.

ственные ячейки средневековой Руси, определить пути наступления феодальной вотчины на свободное крестьянское землевладение и борьбу крестьянства за свою свободу, свои права на землю, на труд⁴².

Привлекательность точки зрения И. И. Смирнова, Г. Е. Кочина, Ю. Г. Алексеева и других представителей «ленинградской» школы состоит в том, что она расширяет наши представления о русском крестьянстве: оно предстает перед нами не только пассивной стороной, закрепощенным классом, эксплуатация которого усиливалась со времен «Русской Правды» и до XIX в., но и в качестве самостоятельной исторической силы. До XVI в. на Руси преобладали свободные земледельцы — к такому выводу приводят работы последних лет, и это позволяет нам иначе, чем прежде, взглянуть на исторический путь русского крестьянства в целом. Правда, нельзя не сказать о том, что указанная точка зрения вызывает серьезные возражения у сторонников традиционного взгляда на вещи. С. М. Каштанов и Ю. Р. Клокман, например, полагают, что право органов волостного самоуправления распоряжаться землей и даже отчуждать ее не служит решающим признаком собственности. Главное, считают они, как понимать налоги, уплачиваемые крестьянским миром в пользу государства, — рассматривать ли их как реализацию государством права номинального земельного собственника или считать их результатом чисто политических отношений. Сами авторы рассматривают эти налоги как вариант феодальной земельной ренты⁴³.

Кое-кто из историков в этой полемике с традиционными взглядами идет еще дальше. А. Я. Гуревич, например, считает, что в раннефеодальных обществах Запада (которые, кстати, во многом были тождественны раннефеодальным обществам на Руси) феодально-зависимый крестьянин обладал таким же правом на землю, как и феодал, что при феодализме не существовало частной собственности на землю ни феодалов, ни крестьян и в то же время каждый из них имел право собственности на часть продукта, получаемого с земли, феодал — прибавочного, крестьянин — необходимого⁴⁴. Не углубляясь в дискуссию по данному вопросу, отметим лишь, что эта точка зрения о «расщепленности» земельной собственности при феодализме в последнее время все чаще высказывается в советской литературе.

5. Барщина или оброк

В советской историографии давно уже высказывалось сомнение в правильности положения о том, что по мере роста товарности сельского хозяйства, складывания всероссийского рынка в стране тенденция перехода к барщинной форме эксплуатации крестьян становилась основной. Работы последнего времени позволяют эти сомнения поставить на более реальную почву.

Г. Е. Кочин, исследуя социально-экономические тенденции в сельском хозяйстве Новгородской земли XIII—XIV вв., т. е. в том же районе,

⁴² Подробно права собственности крестьянина — держателя волостной земли рассмотрены Ю. Г. Алексеевым в его статье «Черная волость Костромского уезда XV в.» («Крестьянство и классовая борьба в феодальной России»). О существовании значительных владельческих прав русского черносошного крестьянства на свои земли пишет и Н. Н. Покровский, исследовавший купчие, данные и меновые грамоты XIV — первой четверти XVI в. (Н. Н. Покровский. Купчие, данные и меновые грамоты как источник по истории черносошного землевладения России XIV — первой четверти XVI в. «Новое о прошлом нашей Родины»).

⁴³ С. М. Каштанов, Ю. Р. Клокман. Советская литература 1965—1966 гг. по истории России до XIX века. «История СССР», 1967, № 5 стр. 163—164.

⁴⁴ См. А. Я. Гуревич. Проблема земельной собственности в дофеодальных и раннефеодальных обществах Западной Европы. «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 100.

который был предметом исследований Б. Д. Грекова, пришел к несколько иному, чем Б. Д. Греков, выводу. Г. Е. Кочин показал, что вначале в данном районе преобладал натуральный оброк, а позднее наметился переход к оброку денежному. Что касается барщины, то она никогда не имела здесь прочных корней. К барщине, указывает Г. Е. Кочин, некоторые историки причисляли все виды сельскохозяйственных работ, между тем как часть их не имела отношения к хозяйству феодала⁴⁵. Даже известную грамоту митрополита Киприана Царевоконстантиновскому монастырю конца XIV в., которая считалась до сих пор классическим примером документальности барщины, Г. Е. Кочин трактует вопреки традиции. Он считает, что грамота говорит не о барщине, а об издольщине — пять десятин крестьянин пашет на себя, а шестую — на монастырь⁴⁶. Так же характеризует автор и десятинную пашню, которую он именуется крестьянским клином, а обработку его в пользу церковных хозяйств считает видом издольщины. По мнению автора, здесь нет того, что свойственно барщине, — обеспечения крестьянина зерном для засева барского поля, принудительного выбора культуры, работ под наблюдением и по указанию феодальной администрации и т. д. Землевладелец здесь, уступая крестьянину всю хозяйственную инициативу, озабочен лишь тем, чтобы осенью получить часть готового урожая.

Решение вопроса, предложенное Г. Е. Кочиним, не представляется нам окончательным, но вызывает интерес попытка автора более широко трактовать само понятие «барщина». В XIV—XV вв. барская запашка была еще весьма невелика, основной формой ренты являлся натуральный оброк, а позже с развитием рыночных отношений идет дифференциация форм ренты — в одних районах происходит усиление барщины, в других наблюдается эволюция от натурального к денежному оброку, что не исключает и смешанных форм ренты.

Ю. Г. Алексеев отмечает для Переяславского уезда в XV—XVI вв. распространение барщины. В то же время он говорит и о наличии в этом районе иной тенденции — об уменьшении ее удельного веса в пользу оброка и об относительно большей хозяйственной самостоятельности крестьян, особенно в малодворных поселках, разбросанных на большом расстоянии от вотчинного центра⁴⁷.

Вопрос о форме эксплуатации крестьянства в XVII в. рассматривается в монографии Д. И. Петрикеева. По наблюдениям автора, в галицких имениях Морозова барская запашка в 1660-е годы передается в тягло крестьянам, барщина здесь уступает место оброку. «Деловые» люди занимают место барщинных крестьян. Чем же объясняет Д. И. Петрикеев эту метаморфозу? Тем, что природные условия здесь были нехороши для земледелия и вотчинник не был заинтересован в организации барского хозяйства. Предпочтение оброку в галицких имениях отдавалось и потому, что этот уезд был связан водным путем с приволжскими владениями боярина. Торговля диктовала свои условия вотчинному хозяйству. Крестьян было выгодно держать в этом районе на оброке. В крупных приволжских селах — Мурашкине и Лыскове произошли такие же перемены: крестьяне были переведены на оброк⁴⁸. В других владениях существовала барщина. Тяжелой барщиной повинностью крестьян являлась их работа в поташном производстве Морозова⁴⁹.

Описывая хозяйство Соловецкого монастыря — одного из крупнейших феодалов Севера России, А. М. Борисов отмечает вслед за А. А. Савичем, что в северных волостях, принадлежавших монастырю, преобладала в XVII в. оброчная система, а собственно монастырская запашка

⁴⁵ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 323, 335.

⁴⁶ Там же, стр. 8.

⁴⁷ Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 115.

⁴⁸ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 47—49, 83—84.

⁴⁹ Там же, стр. 85—87, 90, 104, 107, 111, 112, 120—123.

была незначительна. Барщина же применялась в основном в подмосковных вотчинах монастыря⁵⁰. Чем же объяснялась тяга к оброчной эксплуатации крестьянства в северных областях? Автор отвечает на этот вопрос так: особенностями северного края. Большинство крестьян здесь было переведено на денежный оброк, который и составлял для монастыря главный доход от земледелия. С развитием товарно-денежных отношений монастырь попытался расширить барскую запашку, но делалось это в основном за пределами северного района. Там, где не хватало рабочей силы, переведенной в основном на оброк, монастырь прибегал к найму свободных и беглых людей, применял труд монастырских «детенышей». По найму работали и малоземельные и безземельные крестьяне⁵¹. А. М. Борисов отмечает для хозяйства Соловецкого монастыря сочетание трех форм ренты: барщины, натурального и денежного оброка — и фиксирует слияние со второй половины XVI в. и позднее натуральной и денежной ренты. В Кирилло-Белозерском монастыре специфика заключалась в том, что успех перестройки хозяйства в условиях развития товарно-денежных отношений монастырь-феодал видел в развитии барщины⁵². Анализируя общие тенденции развития ренты в России XVI в., А. М. Борисов приходит к выводу, что «в конце XVI в. развитие денежной ренты замедлилось, а барщинная система получила довольно широкое распространение»⁵³. Однако нам представляется, что этот вывод не вытекает непосредственно из конкретного материала, который имелся в распоряжении автора. На наш взгляд, следовало бы оговориться, что в отдельных районах такая тенденция действительно наблюдалась, но это не означало распространения барщины по всей стране. Ниже автор делает уже более осторожный вывод о том, что одновременное действие трех видов ренты, дифференциация ренты по районам представляет вместе с другими социально-экономическими явлениями XVI—XVII вв. весьма противоречивый исторический калейдоскоп, разобраться в котором стоит порой большого труда⁵⁴.

А. А. Зимин рассмотрел вопрос о формах эксплуатации крестьянства на примере села Павловского той же вотчины Морозова, о которой подробно писал Д. И. Петрикеев. В этом селе А. А. Зимин насчитывает в XVII в. 163 двора с 1 047 крестьянами⁵⁵. Автор отмечает, что основной формой эксплуатации крестьян здесь была барщина. Вместе с тем он говорит о том, что в селе ощущался недостаток рабочей силы, и это заставляло Морозова переводить на барскую запашку в Павловское своих белорусских крестьян. Куда же подевалась эта «рабочая сила», эти 1 047 человек? Об этом можно лишь догадываться по некоторым данным, приведенным в статье. Оказывается, лежавшая «впусте» пашня отдавалась в обработку крестьянам «из снопа». Бывало, что и «деловые люди» выполняли тяжелую работу по расчистке полевого участка, на пахоте, а затем земля «отдавалась под пашню и сенокос крестьянам»⁵⁶. Таким образом, даже в этом барщинном бастионе морозовской вотчины мы видим весьма ощутимую оброчную струю, на что, к сожалению, не обратил внимания автор, сосредоточив все внимание на барщинной форме эксплуатации.

И. А. Булыгин, характеризуя положение помещичьих крестьян Пензенской губернии во второй половине XVIII в., отмечает, что 52% крестьян находились здесь на оброке и 48% — на барщине. Но ведь необходимо иметь в виду, что в этом районе жили не только помещичьи, но

⁵⁰ А. М. Борисов. Указ. соч., стр. 31.

⁵¹ Там же, стр. 77, 78, 80, 92, 98.

⁵² Там же, стр. 98, 101, 105, 108.

⁵³ Там же, стр. 190.

⁵⁴ Там же, стр. 194.

⁵⁵ А. А. Зимин. Хозяйственный год в с. Павловском (середина XVII в.). «Материалы...», стр. 66.

⁵⁶ Там же, стр. 72, 73.

и другие категории крестьян, которые в основном находились на оброке. К 1861 г. среди помещичьих крестьян Пензенской губернии И. А. Булыгин насчитывает 75,2% барщинно-обязанных и 24,8% оброчных. По отдельным владениям к концу XVIII в. автор констатирует, с одной стороны, увеличение барщинно-обязанных крестьян, с другой — увеличение крестьян, переведенных на денежный оброк. Там, где победил денежный оброк, соответственно сокращалась или вообще ликвидировалась барщина. Существовал и натурально-денежный оброк⁵⁷. Подобные тенденции наблюдались и в XIX в., в частности в Смоленской и Тверской губерниях, в Центрально-промышленном районе⁵⁸.

Что касается других районов страны — Севера, Урала, Сибири, то здесь оброчные тенденции прослеживаются еще более явно, хотя мнения на этот счет у историков порой не совпадают. А. Н. Копылов считает, что барщина — десятинная государева пашня — господствовала в Енисейском крае в XVII в., в монастырских вотчинах поначалу практиковалась смешанная форма ренты — барщина и различные виды оброков. К концу XVII в. на денежный расчет были переведены некоторые виды крестьянских работ, но в целом оброк в Сибири XVII в. был развит слабо⁵⁹.

М. Т. Белявский, изучая указы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию, акцентирует внимание на существовании в Сибири тяжелых повинностей барщинного типа, хотя и отмечает, что десятинная пашня как таковая была отменена для нерчинских и селенгенских крестьян из-за их «великие послушания». Среди этих повинностей М. Т. Белявский называет подводную повинность, работы по «чищению» дорог, «мощению» мостов, различные строительные работы, заводские повинности и т. д.⁶⁰. Однако автор констатирует, что в Сибири фактически отсутствовало помещичье землевладение, церковное землевладение было ограниченным. К тому же десятинная пашня была отменена⁶¹. А это, возможно, означает, что основной повинностью, несмотря на тяжелейшие отработки, против которых активно боролось сибирское крестьянство, был оброк.

А. А. Кондрашенков для крестьян Зауралья в XVII—XVIII вв. основной феодальной повинностью считает оброк⁶². Эта же мысль подчеркивается в совместном исследовании А. А. Кондрашенкова и Н. А. Лапина, посвященном истории западносибирского крестьянства. Основная категория крестьян в этом районе, отмечают авторы, — это государственные крестьяне. В XVII — первой половине XVIII в. они выполняли барщинные повинности и платили натурально-денежные оброки, а с 60-х годов XVIII в. все больше стали переходить на уплату денежной ренты. Одновременно приписные и монастырские крестьяне (до секуляризации церковного землевладения в 1764 г.) выполняли тяжелые отработочные повинности⁶³. А. А. Преображенский также отмечает, что

⁵⁷ И. А. Булыгин. Указ. соч., стр. 32, 33, 144, 148.

⁵⁸ Г. Т. Рябков. Землевладение крепостных крестьян Смоленской губернии. «Материалы...», стр. 194, 203; В. А. Федоров. «Межевые описания» 50-х годов XIX в. как источник по истории крестьянского хозяйства в России (по материалам Тверской губернии). «Материалы...», стр. 224 — 225, 231, 234; И. Д. Ковальченко. Расслоение оброчных крестьян Центрально-промышленного района во второй четверти XIX в. «Материалы...», стр. 141, 144—145, 190; Р. М. Введенский. К вопросу о расслоении оброчного крестьянства в России в конце XVIII в. — первой половине XIX в. «Ученые записки» МГПИ имени В. И. Ленина. Вып. № 286, стр. 22.

⁵⁹ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 94, 97, 98, 106, 155.

⁶⁰ М. Т. Белявский. Указы крестьян Восточной Сибири в Уложенную комиссию 1767 — 1768 гг. «Новое о прошлом...», стр. 348, 349, 350, 361.

⁶¹ Там же, стр. 358, 361.

⁶² А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 45, 114, 132—133.

⁶³ А. А. Кондрашенков, Н. А. Лапин. Некоторые проблемы истории западносибирского крестьянства в феодальную и капиталистическую эпоху. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 40, 41.

на Урале и в Западной Сибири в XVII — начале XVIII в. поначалу идет насаждение барщины — десятинной пашни, а затем с середины 20 — начала 30-х годов XVIII в. все шире утверждается хлебный оброк, замененный затем денежной формой ренты. Со временем новые слободы в этом районе все чаще возникают как оброчные. Попытка внедрить десятинную пашню в Тобольском уезде натолкнулась на активное сопротивление крестьян. Новые слободы и здесь стали возникать на основе прибора крестьян в хлебный и денежный оброк⁶⁴. Правительство вплоть до середины XVIII в. цеплялось в этом районе за барщину, хотя экономически она себя здесь уже изжила, что и было фактически признано полной отменой десятинной пашни. М. М. Громыко также отмечает тенденцию к исчезновению барщины в Западной Сибири XVIII века. Решающую роль сыграло здесь освоение крестьянами новых хлебных районов на юге. Высокий уровень товарности этих хозяйств был несовместим с архаической формой ренты⁶⁵. Подобные же тенденции подмечены историками в горнозаводских районах Урала XIX века⁶⁶.

Конечно, делать сколько-нибудь широкие выводы относительно значения эволюции формы ренты на Урале и в Сибири не приходится, так как сам контингент крестьян был здесь весьма невелик, но нас в данном случае интересует тенденция (в условиях развития товарно-денежных отношений, в условиях освоения новых земель, подъема производительных сил) перехода от барщины к денежному obroку. Такие же процессы происходили в центре страны и даже в помещичьей барщинной деревне. Мы видим, что дифференциация форм ренты зависела от природных условий, от уровня развития самого барского или крестьянского хозяйства. И это относится как к ранним периодам русской истории, так и к XVIII—XIX вв., только в этот период тенденции, обозначившиеся еще в XIV—XV вв., стали более четкими, темпы их развития — более стремительными. И уж, конечно, нет никаких оснований говорить о каком-то всероссийском наступлении барщины. Такое наступление имело место (и в значительной степени) в отдельных районах, но в других в это же время происходит активный переход к натурально-денежному и денежному obroку. И это наблюдалось даже в рамках «классических» барщинных хозяйств.

б. Крепостнические и антикрепостнические тенденции

Выяснение путей развития феодальной ренты в России помогает правильному пониманию форм, методов, степени эксплуатации русского крестьянства. Ведь именно повышенное внимание советских исследователей в прошлом к истории развития барщины как доминирующей с XVI в. формы ренты привело к усиленной разработке проблем закрепощения крестьянства в России. История русского крестьянства благодаря этому стала окрашиваться лишь в трагические, мрачные тона. Крестьянство становилось лишь пассивной, страдающей стороной, недооценивалась его активная роль в истории, особенно в будничные, «мирные» периоды. Нам уже представлялся случай обратить внимание на эту некоторую односторонность советской аграрной историографии⁶⁷.

Сегодня в связи с разработкой проблем развития феодальной ренты в России появляется возможность иного подхода к определению роли крестьянства в социально-экономической истории страны, его положение

⁶⁴ А. А. Преображенский. Указ. соч., стр. 83—84, 85.

⁶⁵ М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 10, 160, 186, 190.

⁶⁶ В. В. Мухин. Развитие сельского хозяйства в уральской горнозаводской вотчине Всеволожских в первой половине XIX века. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 166, 168; В. Я. Кривоногов. К вопросу об аграрных отношениях в горнозаводских округах Урала в дореформенный период. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 215—221.

⁶⁷ А. Н. Сахаров. Русская деревня XVII в. М. 1966, стр. 4.

ния в системе феодальной эксплуатации. Сегодня нас вряд ли уже могут удовлетворить формулировки о все ухудшающемся положении русского крестьянства, о его все усиливающейся эксплуатации. Действительно положение ухудшалось, эксплуатация усиливалась. Но где? В каких районах? По всей ли стране? Мы должны, видимо, подходить к решению этого вопроса так же дифференцированно, как дифференцировалась сама феодальная рента.

Как решается этот вопрос в упомянутых работах последнего времени? Характеризуя положение крестьян в условиях вотчинного барщинного режима XVII в., Д. И. Петрикеев рисует впечатляющую картину тяжелого положения крестьянства. Он пишет об эксплуатации крестьян на барской пашне, на ловле рыбы, заготовке сена, на строительстве различных хозяйственных сооружений и, конечно, на поташных заводах Морозова. Правда, не совсем ясно, что автор вкладывает в слова: «главное средство крепостника, при помощи которого он добивается повышения своих доходов, состоит в том, чтобы до предела выжимать соки из крестьянина». Что значит «до предела выжимать соки» — эти слова, к сожалению, не находят отражения в экономических показателях и остаются лишь эмоциями⁶⁸. Д. И. Петрикеев отмечает ухудшение правового положения крестьянства в вотчине Морозова, учащение случаев покупки-продажи крестьян без земли, насильственного переселения крестьян из одних населенных пунктов в другие, строгий контроль над передвижением крестьян, регламентацию хозяйственных устремлений крестьянства⁶⁹.

Крепостнические черты в жизни русского крестьянства на Севере подчеркивают А. М. Борисов, Г. Н. Образцов, И. П. Шаскольский. И. П. Шаскольский рисует картину тяжелого положения приписных крестьян Заонежья. В 40-х годах XVIII в. они были близки к полному разорению⁷⁰. А. М. Борисов пишет об усилении крепостной зависимости крестьян с наступлением монастырского землевладения в районах черных крестьянских земель, об отрицательном влиянии монастырской колонизации на крестьянские хозяйства. Монастыри Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Антониево-Сийский расхищали общинные земли, сковывали своей конкуренцией крестьянские промыслы, подрывали эксплуатацией крестьянские хозяйства, закабалили крестьянство при помощи ростовщических операций. В XVII в. эксплуатация крестьянства в подмосковных вотчинах Соловецкого монастыря усилилась за счет увеличения барщины⁷¹. О тяжелом положении монастырских половников, о закрепостительных тенденциях по отношению к этой категории феодально-зависимого населения на севере страны в XVII в. пишет З. А. Огризко. Автор убедительно показывает, что феодальная организация располагала широкими возможностями для пополнения рядов половников, стремилась выжать «как можно больше прибавочного продукта, не заботясь, как это скажется на хозяйстве самого половника»⁷².

Крепостнические тенденции в жизни русской деревни отчетливо прослеживаются в последних работах по истории Урала и Сибири. А. Н. Копылов пишет о политике прикрепления крестьян к земле в Енисейском крае в XVII в., о попытках воевод «накинуть» на крестьян побольше тягла, о сопотвлении местных властей замене «десятинной пашни» оброком, о развитии в крае тяжелейших повинностей — подводной и других, о политике принудительного севооборота по отношению к

⁶⁸ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 107, 136, 137, 139 — 140.

⁶⁹ Там же, стр. 155—158.

⁷⁰ И. П. Шаскольский. Волнения приписных крестьян Заонежья в 40-х годах XVIII в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 373.

⁷¹ А. М. Борисов. Указ. соч., стр. 53, 108, 162, 197—198.

⁷² З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 68.

крестьянским хозяйствам, о лишении льгот отдельных категорий местного населения⁷³.

Крепостнические тенденции наблюдались и в Зауралье XVII—XVIII веков. Свободные гулящие люди путем «порядных грамот» превращались здесь в крепостных, усиливался контроль над хозяйством и личностью слободских крестьян со стороны приказчиков, наблюдался активный сыск беглых, крестьяне вывозились в принудительном порядке на заводы Южного Урала из уездов Среднего и Верхнего Поволжья⁷⁴. Насильственные мобилизации «в счет рекрутов» приписных, в основном бедных, крестьян происходили в Западной Сибири в XVIII веке. Государственная власть здесь решительно вмешивалась в порядок крестьянского землевладения, действуя нередко путем насилия, допуская произвол. Положение крестьян значительно ухудшилось, когда возникли заводские отработки⁷⁵. Тяжелым было положение приписных крестьян на Урале в XVIII в., их эксплуатация усиливалась за счет перевода крестьян из категории государственных в частновладельческие, повышения оброка, взимаемого с государственных крестьян, интенсификации их труда на заводах. Н. И. Павленко приходит к выводу, что эти меры подрывали хозяйственную деятельность крестьянства, лишали его возможности осуществлять простое воспроизводство⁷⁶. Яркую картину страданий сибирского крестьянства дают крестьянские наказы в Уложенную комиссию, исследованные М. Т. Беляевским. Эти крепостнические тенденции были тесно связаны с барщинными обязанностями крестьян, с их прикреплением к земле.

Таким образом, крепостнические тенденции, основанные в значительной мере на барщинной форме эксплуатации крестьянства, на прикреплении крестьян к земле, внеэкономическом принуждении, находили широкий простор в социально-экономической жизни России и в центре страны, и на Севере, и на Урале, и в Сибири. И там, где эта основа укреплялась, положение крестьян ухудшалось, их эксплуатация приобретала все более тяжелый характер, личные и имущественные права крестьянства все более стеснялись. Но эта линия развития социально-экономической жизни русской деревни не являлась единственной для всей страны. Напротив, по мере развития товарно-денежных отношений, по мере становления денежной формы ренты, освоения новых территорий, наконец, — и это главное — по мере усиления и совершенствования форм и направлений классовой борьбы крестьянства, крепостнические методы эксплуатации уступали в ряде районов место иным приемам феодальной эксплуатации, вели к несвободе «оброчно-денежной».

Эта вторая линия жизни русской феодальной деревни шла также яркое отражение в работах последних лет. Говорить о ней приходится, касаясь уже ранних периодов русской истории с момента возникновения отношений феодальной зависимости и появления крепостничества. Так, Г. Е. Кочин подчеркивал, что в XIII—XVI вв. крестьянское хозяйство развивалось не только по указке феодала, но и «на основе своих внутренних сил». Этой основой являлся собственный труд крестьянина, труд его семьи, принадлежавшие ему орудия производства⁷⁷. Г. Е. Кочин считает, что в раннем средневековье связь между боярщиной и крестьянским хозяйством была чрезвычайно слаба. Бездорожье, плохой транспорт, удаленность деревень от усадьбы — все это приводило к тому, что не существовало «хозяйственно-производственного единства де-

⁷³ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 74, 96, 98, 99, 155, 219.

⁷⁴ А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 64, 66, 78—79, 119.

⁷⁵ М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 110, 197, 210.

⁷⁶ Н. И. Павленко. К вопросу о причинах волнений приписных крестьян в 50—60-х гг. XVIII в. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 119, 123—124.

⁷⁷ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 306.

ревень с большим двором»⁷⁸. Мысль автора сводится к тому, что даже при наличии феодальной зависимости крестьянства от земельного собственника мы не должны переоценивать степени этой зависимости в тогдашних условиях. Он выступает против концепции Б. Д. Грекова, согласно которой старожильцы явились первым отрядом русского крепостного крестьянства. Г. Е. Кочин полагает, что Б. Д. Греков искусственно разделил сельское население Северо-Восточной Руси на две качественно различные категории — старожильцев и новопорядчиков — и тем самым заслонил общую для всех крестьян самостоятельность их хозяйств, их важнейшее место в народном хозяйстве. Автор считает крестьянство XIV—XV вв. единым классом, все категории которого характеризовались общими чертами, главной из них в то время была не крепостническая зависимость, а самостоятельная и основополагающая роль в народном хозяйстве⁷⁹. Он выступает против отождествления понятий феодализации и закрепощения. Даже феодально зависимое крестьянство XV в. широко реализовывало свое право перехода⁸⁰.

Г. Е. Кочин привлекает наше внимание к проблемам иным по сравнению с закрепостительными тенденциями в жизни русского крестьянства XIII—XV веков. Практически автор ставит под сомнение тезис о том, что крепостничество — это неизбежный спутник феодализма. Более четко эту же мысль выразил Н. Е. Носов в рецензии на второй том многотомной «Истории СССР». Н. Е. Носов критикует авторов тома за отождествление феодализма и крепостничества на всех стадиях развития феодализма. Это отождествление, по его мнению, не подтверждается фактами. Н. Е. Носов критически воспринимает и тезис о том, что отсутствие крепостной зависимости характеризуется как признак незрелости феодализма. С этих позиций автор оценивает и труды Б. Д. Грекова. Работы Б. Д. Грекова, отмечает Н. Е. Носов, сыграли огромную положительную роль в разработке проблем истории русского крестьянства, но «ему (Б. Д. Грекову.— А. С.) не удалось показать, что крепостничество сопутствовало феодализму на всех этапах его развития»⁸¹. О разной степени феодальной зависимости крестьян XV в. пишет Ю. Г. Алексеев⁸².

В работах, посвященных истории русского крестьянства XVII—XIX вв., наряду с крепостническими тенденциями в жизни русской деревни историки также констатируют и иные, назовем их антикрепостническими, тенденции. А. М. Борисов говорит о развитии в Соловецкой вотчине с XVI в. широких арендных операций крестьянства, которые создавали условия для роста хозяйственной инициативы некоторой его части. Из вотчины наблюдался значительный отход крестьян на заработки. Автор отмечает, что «фактически значительная часть крестьян и бобылей перешла на положение посадского населения, но в монастырских книгах они продолжали называться крестьянским сословием»⁸³. Характеризуя положение монастырских половников в Поморье XVI в., З. А. Огризко выясняет, что все попытки монастырских властей превратить эту категорию феодально-зависимого населения в крепостных людей натолкнулись на упорное сопротивление крестьян и потерпели

⁷⁸ Там же, стр. 316.

⁷⁹ Там же, стр. 407, 413—414.

⁸⁰ Там же, стр. 417, 421.

⁸¹ Н. Е. Носов. Многотомная «История СССР». «Вопросы истории», 1968, № 3, стр. 138. Кстати, сам Н. Е. Носов в одной из своих последних работ по истории крестьянства Севера убедительно показал, что значительные группы крестьян России XVI—XVII вв. избежали широкого наступления феодального государства и стоящего за его спиной дворянства на черный крестьянский и посадский мир (Н. Е. Носов. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. Вып. 1. Л. 1968).

⁸² Ю. Г. Алексеев. Указ. соч., стр. 115, 407.

⁸³ А. М. Борисов. Указ. соч., стр. 149, 186.

неудачу. Половники так и не стали владельческими крестьянами, сохранив относительную самостоятельность в вопросах передвижения, хозяйствования, землепользования и т. д.⁸⁴ Д. И. Петрикеев в морозовской вотчине усматривает стремление владельца не только «давить» крестьян при помощи своей администрации, но и найти опору в среде самого крестьянства, привлечь представителей общины к участию в управлении. В отдельных случаях, идя навстречу крестьянам, дабы сохранить себе плательщиков, Морозов допускал снижение денежного оброка, заменял барщину оброчными обязательствами. Некоторая часть крестьян вотчины занималась ремеслом, торговлей, откупами. Значительное распространение получили отхожие промыслы, отдельные морозовские крестьяне вели торговлю далеко за пределами вотчины⁸⁵.

Конечно, все эти явления не меняют общей крепостнической направленности политики феодала, но дают возможность представить себе эту политику более рациональной с точки зрения феодального собственника, не такой уж откровенно прямолинейной, как порой ее пытаются представить отдельные авторы, в том числе и сам Д. И. Петрикеев, который считает морозовскую вотчину типичным крепостным хозяйством середины XVII века. Более предпочтительна здесь, на наш взгляд, точка зрения В. В. Дорошенко и З. К. Янель, опаривающих этот тезис Д. И. Петрикеева. Они пишут: «Нам представляется, что типичность морозовской вотчины как комплекса не аксиоматична, а проблематична». Авторы не согласны с тем, что все социально-экономические процессы, протекавшие в вотчине, означали «эскалацию» крепостничества⁸⁶.

А разве не об относительности результатов правительственных мер по прикреплению крестьян к земле в условиях складывающегося всероссийского рынка говорят факты активного перемещения населения? Широкий поток бегства и переселений, нередко организованных, происходил зачастую вопреки крепостническому законодательству. Его успехи рождались в отчаянной борьбе между идеальным выражением этой политики — сыском беглых — и упорством уходивших крестьян, которые нередко встречали неофициальную поддержку администрации в местах нового поселения — в осваиваемых районах, на окраинах государства, в городах. Правительственные указы о сысках беглых лишь намечали тенденцию, которая зачастую корректировалась на местах⁸⁷. Жизнь народная была глубже, богаче, чем та схема, в которую ее пытались уложить указы.

Антикрепостнические тенденции в различных вариантах отмечают историки и в русской деревне XIX века. Г. Т. Рябков, говоря о землевладении крепостных крестьян Смоленской губернии накануне реформы,

⁸⁴ З. А. Огризко Указ. соч., стр. 4.

⁸⁵ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 77, 84, 146 — 147, 164 — 166.

⁸⁶ В. В. Дорошенко, З. К. Янель. Заметки о новой литературе по истории феодальной России. «История СССР», 1968, № 5, стр. 162.

⁸⁷ Е. Н. Кушева пишет об усилившемся со второй половины XVII в. потоке беглых крестьян и холопов на Волгу, который не могли приостановить никакие суровые запретительные меры. На эту же тенденцию указывает Е. И. Вайнберг применительно к южной окраине Русского государства в первой половине XVII века. Т. П. Бондаревская поддерживает высказанную ранее точку зрения А. А. Новосельского относительно того, что бегство крестьян в XVII—XVIII вв., по существу, превратилось в «настоящий колонизационный поток, заполнявший окраины государства, заселявший степные пространства». Обращает на себя внимание следующий вывод Т. П. Бондаревской: «Крестьяне на время освобождались от крепостной неволи и оказывались на положении государственных крестьян». Видимо, этот вывод нельзя не учитывать, когда мы говорим о масштабах закрепощения крестьян России в XVII—XVIII вв. (Е. Н. Кушева. Эпизод классовой борьбы солдат, крестьян и холопов на рубеже XVII—XVIII вв. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 349; Е. И. Вайнберг. Борьба крестьян против крепостничества на южной окраине Русского государства в первой половине XVII в. «Новое о прошлом нашей Родины», стр. 252—253; Т. П. Бондаревская. Беглые крестьяне Среднего Поволжья в середине XVIII в. Там же, стр. 386—387, 391).

приводит многочисленные факты приобретения крепостными крестьянами земли в собственность. Это было связано с расслоением крестьянства и ростом капиталистического предпринимательства в его среде⁸⁸. В. А. Федоров отметил широкое приобретение крепостным крестьянством земель в Тверской губернии в 40-е годы XIX века⁸⁹. И. Д. Ковальченко, исследуя капиталистическое расслоение оброчных крестьян Центрально-промышленного района во второй четверти XIX в., делает в этом смысле важный вывод: «Выделение слоя беднейших крестьян, фактически утративших хозяйственную самостоятельность и добывавших средства существования главным образом вне сферы крепостнического хозяйства, т. е. работой по найму, подрывало фундамент, на котором жаждалась система крепостнических отношений... Падало значение крепостнического надела и в хозяйственной деятельности зажиточных крестьян. Их хозяйство в экономическом отношении как бы высвобождалось из сферы крепостнических отношений»⁹⁰. Для нас здесь принципиально важна допустимость выхода из-под пресса крепостнических отношений как беднейшего, так и зажиточного крестьянства при наличии господства этих отношений в русской деревне XIX века. Социально-экономические отношения капиталистического типа разрывали в этом случае крепостнические узы точно так же, как товарно-денежная сфера XVI—XVII вв.—эта предтеча русского капитализма—способствовала созданию антикрепостнической альтернативы барщинному крепостническому хозяйству с момента его возникновения.

И, конечно, эти антикрепостнические тенденции особенно ярко проявлялись задолго до капитализма там, где отсутствовало помещичье землевладение как социально-экономическая система,— в Поморье, на Урале, в Сибири. Прежде всего это касается колонизационного потока в Сибирь (о котором уже шла речь выше), где заметную роль играли беглые крестьяне⁹¹. В Сибири XVIII в. крестьяне начинают относительно свободно распоряжаться землей: они ее продают, покупают, закладывают, передают в долг, оставляют в качестве наследства. М. М. Громыко говорит о том, что такое владение землей очень напоминает французскую цензиву кануна Французской буржуазной революции XVIII в., хотя в условиях царской России, произвола самодержавия любой такой «свободный» собственник мог стать и нередко становился объектом насилия со стороны государственных органов власти⁹². Учащаются случаи аренды земли, в Сибири создаются условия для перерастания феодальных держаний в фермерские хозяйства. Такой подход к проблеме представляется нам весьма конструктивным, поскольку он помогает более глубоко пониманию сущности феодально-крепостнических отношений с их различными рамками «несвободы». П. И. Малахинов готов видеть здесь исчезновение черт феодально-крепостнической системы⁹³. Однако, на наш взгляд, такое понимание предмета было бы данью модернизации событий, о чем совершенно справедливо говорит М. Т. Белявский⁹⁴. Русский феодализм как в центре России, так и в Сибири, прежде чем усту-

⁸⁸ Г. Т. Рябков. Указ. соч., стр. 195, 203.

⁸⁹ В. А. Федоров. Указ. соч., стр. 224—225, 231.

⁹⁰ И. Д. Ковальченко. Указ. соч., стр. 193—194.

⁹¹ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 60, 95, 101; А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 58, 79, 111, 115; В. Н. Бочкарев, С. М. Томсинский. Прикамье после крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. «Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири», стр. 131; М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 11, 190.

⁹² М. М. Громыко. Указ. соч., стр. 196—197, 198, 200. На свободное распоряжение землей с XVI в. черносошными крестьянами Пермь Великой указывает В. А. Оборин: продажа, покупка, заклад, наследование, дарение (В. А. Оборин. Указ. соч., стр. 69).

⁹³ П. И. Малахинов. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962, стр. 250—258.

⁹⁴ М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 363.

пить свое место капиталистическим отношениям, эволюционировал по линии изживания в ряде районов, в ряде хозяйственных сфер крепостнических отношений. Здесь-то и готовилась почва для наступающего капитализма. Перескакивание через этот этап в социально-экономической истории России прямо к капитализму представляется нам столь же неблагоприятным делом, как и переоценка крепостнических основ русской жизни.

С проблемой антикрепостнических тенденций в русской деревне феодального периода связан вопрос о понимании всей суммы взаимоотношений феодала и крестьянина. В советской литературе уже отмечалось, что понимание этих отношений только сквозь призму насилия и разорения феодалом крестьянина нарушает диалектический критерий в подходе к проблеме феодальных отношений⁹⁵. Более плодотворной в научном смысле представляется точка зрения, согласно которой антагонистические в своей классовой основе отношения феодала и крестьянина, феодального и крестьянского хозяйства временами определялись интересами вынужденного компромисса. Крестьянин стремился иногда опереться в хозяйственном смысле на поддержку феодала с тем, чтобы поднять свой материальный уровень, добиться самостоятельности своего хозяйства. Феодал, «помогая» крестьянину, поддерживая его хозяйство, видел перед собой исправного плательщика оброков, исполнителя отработочных повинностей. Вот на эту-то сторону феодальных отношений советские историки долгое время не обращали внимания. И лишь в последние годы данная тема зазвучала в советской историографии. Нашла эта проблема отражение и в рассматриваемых нами работах. Г. Е. Кочин, рассказывая о широко практиковавшемся в XIV—XV вв. «займе житом» крестьян у феодалов и подчеркивая, что эту помощь феодал предоставлял в надежде закабалить крестьянина, в то же время замечает, что в условиях довольно слабой хозяйственной связи крестьянского и барского хозяйства это в какой-то мере «уменьшало возможность личной зависимости крестьян от феодала». Одновременно, делая заем, крестьянин находил протектора для защиты от насилия других феодалов и их слуг⁹⁶.

Много внимания этой проблеме уделяет Г. А. Победимова. Исследуя форму кредитования крестьян в Иосифо-Волоколамском монастыре XVI в., она указывает на то, что ссуды были массовыми, долгосрочными. «Именно по этой причине, — отмечает Г. А. Победимова, — в Долговой книге почти нет сроков возвращения денег»⁹⁷. Г. А. Победимова традиционно видит в этой практике лишь способ втягивания крестьян в феодальную зависимость. На эту же сторону в работе Г. А. Победимовой обращают внимание В. В. Дорошенко и З. К. Янель⁹⁸. Нам хочется, кроме того, подчеркнуть и личный крестьянский интерес к ссуде, которая способствовала укреплению крестьянского хозяйства. Л. С. Прокофьева, исследуя крестьянское хозяйство Белозерского края в середине XVI в., на наш взгляд, более правильно подходит к вопросу. Она подчеркивает как негативную, так и позитивную для крестьянского хозяйства сторону ссудной политики феодала⁹⁹.

Не проходит мимо данной проблемы и Д. И. Петрикеев. «В большинстве случаев боярские льготы оказывались лишь видимостью», — пи-

⁹⁵ См. А. Н. Сахаров. Указ. соч., стр. 192—193, 198—199; Н. И. Павленко. По поводу книги М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева» «История СССР», 1968, № 3, стр. 105, 106.

⁹⁶ Г. Е. Кочин. Указ. соч., стр. 365.

⁹⁷ Г. А. Победимова. О некоторых формах кредитования крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря в первой половине XVI в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 92, 93.

⁹⁸ В. В. Дорошенко, З. К. Янель. Указ. соч., стр. 154.

⁹⁹ Л. С. Прокофьева. «Хлебный бюджет» крестьянского хозяйства Белозерского края в середине XVI в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 102, 103.

шет автор. В подтверждение этого он приводит тексты крестьянских челобитных, где говорится о тяжелом положении крестьян, содержатся просьбы сбросить недоимки по оброку за прошлые годы, в частности с «погорелых» крестьян. Д. И. Петрикеев полностью доверяет крестьянским челобитным, считая их содержание объективным отражением положения крестьянства в вотчине Морозова. Так же он оценивает и ссудную политику феодала. По книгам 1667 г. в займах за крестьянами числилось 8 тыс. четвертей хлеба. Недоимка по хлебным ссудам накопилась за несколько лет. «Нарастала огромная задолженность крестьян», — пишет Д. И. Петрикеев. По существу же, все попытки феодала выбрать «заемный хлеб» оказались несостоятельными. Этот хлеб так и оставался за крестьянскими хозяйствами¹⁰⁰. Для нас важен в данном случае факт, а не сентенция. В морозовской вотчине числилось большое количество льготчиков, силами которых феодал осваивал новые земли; поддерживал боярин и развитие крестьянских промыслов¹⁰¹. Видимо, эти данные в конце концов и заставляют Д. И. Петрикеева сделать правильный, на наш взгляд, вывод: «Выдаваемые крестьянам семенные ссуды, отдельные распоряжения об уменьшении оброка также означали известную поддержку крестьян со стороны боярина. Однако все это было связано со стремлением вотчинника обеспечить себе гарантию наиболее эффективного выполнения крестьянами их феодальных повинностей»¹⁰². Наконец, определенно компромиссный характер носит и инструкция князя М. М. Щербатова, опубликованная Е. И. Индовой. Князь в данном случае не проводит политику «предельной эксплуатации крестьянства», как пишет автор, а строит ее на реалистических основах, заботясь о собственном кармане, за счет поддержания платежеспособности и прибыльности крестьянского хозяйства¹⁰³. Особенно ярко тенденции компромиссного подхода к крестьянскому хозяйству видны на примере Сибири. А. Н. Копылов подробно рассказывает о системе подмог, ссуд, льгот со стороны местных властей крестьянам Енисейского уезда в XVII веке¹⁰⁴. О льготах для крестьян Тобольского уезда в XVII—XVIII вв. пишет А. А. Кондрашенков¹⁰⁵.

Конечно, необходимо иметь в виду, что подобная политика по отношению к крестьянству проводилась не по внутреннему побуждению «умного» и «дальновидного» феодала. Были и такие, но не эти люди и не их побуждения определяли наличие подобной тенденции в отношениях между феодалом и крестьянином. Их могучим корректором являлась неустанная классовая борьба крестьянства, выливавшаяся как в крупные вооруженные восстания, так и в повседневную, постоянную, изнурительную борьбу за свои права и хозяйственные интересы. И элементы компромисса появлялись как раз там и тогда, где и когда крестьяне особенно активно защищали свои классовые интересы. Об этом подробно рассказывается в последних работах советских историков.

Л. В. Черепнин, исследуя формы классовой борьбы в Новгородской земле XIV—XV вв., говорит о том, как челобитчики ратуют за улучшение своего материального положения, жалуются на притеснение вотчинной администрации, отказываются выполнять феодальные повинности, защищают свои юридические права. Средством борьбы против феодалов является и крестьянский отход¹⁰⁶. Основная линия борьбы крестьян Анто-

¹⁰⁰ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 147—150.

¹⁰¹ Там же, стр. 152, 163.

¹⁰² Там же, стр. 163.

¹⁰³ Е. П. Индова. Инструкция князя М. М. Щербатова приказчикам его ярославских вотчин (1758 г. с добавлением к ней по 1762 г.). «Материалы...», стр. 432.

¹⁰⁴ А. Н. Копылов. Указ. соч., стр. 69—74.

¹⁰⁵ А. А. Кондрашенков. Указ. соч., стр. 31, 32.

¹⁰⁶ Л. В. Черепнин. Новые документы о классовой борьбе в Новгородской земле в XIV — первой половине XV в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 46 — 49, 54.

ниев-Сийского монастыря в XVI—XVII вв., по материалам Г. Н. Образцова, — попытка освободиться от феодальной эксплуатации или по крайней мере добиться ее смягчения¹⁰⁷. Д. И. Петрикеев пишет о волне крестьянских выступлений, прокатившейся в середине XVII в. по владениям боярина Морозова. Эти волнения были особенно острыми там, где боярин развернул наиболее активную хозяйственную деятельность, которая вызвала усиление феодальной эксплуатации крестьянства¹⁰⁸. Об усилении классовой борьбы крестьянства в вотчине Соловецкого монастыря в XVI—XVII вв. пишет А. М. Борисов. Крестьянство боролось здесь против захватов их земель монастырем, против усиления барщины, увеличения денежного оброка и т. д.¹⁰⁹

З. А. Огризко подчеркивает в своей работе, что в основе выступлений половников русского Севера в XVII в. против феодальной эксплуатации лежало нежелание выполнять обязательства по порядным грамотам, непризнание феодальной собственности монастыря вотчинника, стремление ликвидировать отношения половничества¹¹⁰. Л. Н. Семенова рассказывает об активной и временами успешной борьбе старорусских крестьян за фиксированную ренту, за замену различных повинностей, особенно отработочных, денежной рентой¹¹¹. Об острых социальных коллизиях на этой почве, закончившихся частичными уступками властей, об отказе приписных крестьян Заонежья в XVIII в. от выполнения феодально-государственных повинностей пишет И. П. Шаскольский¹¹². Е. И. Вайнберг, исследуя формы классовой борьбы крестьянства XVII в. на южной окраине Русского государства, в районе Ельца, Белгорода, отмечает, что решительный характер носила борьба крестьян за сохранение своих земель. Одновременно белгородские крестьяне выступали против захватов их земель помещиками, увеличения феодальных повинностей и против самих повинностей¹¹³. Автор совершенно правильно, на наш взгляд, замечает, что все эти формы борьбы разрушали основы феодальной экономики. Заслуживает внимания вывод автора о том, что отнесение отдельных форм классовой борьбы крестьянства к пассивным неправомерно. «Нам представляется, — пишет Е. И. Вайнберг, — что важнейшим критерием для определения хода и действенности классовой борьбы является массовость участия крестьян в той или иной ее форме»¹¹⁴.

О борьбе крестьян Карелии, Тульского и Каширского уездов за свои экономические интересы, против наступления заводовладельцев в XVII в. рассказывает К. Н. Сербина. Борьба эта была долгой и упорной и окончилась передачей иностранными заводчиками своих предприятий в казну¹¹⁵. А. Л. Шапиро, изучая волнения крестьян Старорусского уезда в 1671 г., заметил, что они «интересны именно своей заурядностью». Крестьяне отказывались выполнять владельческие и государственные повинности, не подчинялись феодальным властям. Основной причиной волнений А. Л. Шапиро считает увеличение размеров повинностей. Но было бы неверно, говорит далее автор, автоматически выводить степень народного возмущения из размеров феодальных повинностей. «Часто бывало так, что подвергшиеся особенно жестокой эксплуатации крестьяне оставались не втянутыми в движение, а их менее эксплуатируемые со-

¹⁰⁷ Г. Н. Образцов. Указ. соч., стр. 341—342.

¹⁰⁸ Д. И. Петрикеев. Указ. соч., стр. 179, 181.

¹⁰⁹ А. М. Борисов. Указ. соч., стр. 110, 112, 119, 210, 211.

¹¹⁰ З. А. Огризко. Указ. соч., стр. 159.

¹¹¹ Л. Н. Семенова. Указ. соч., стр. 357—361, 367, 369.

¹¹² И. П. Шаскольский. Указ. соч., стр. 377—378, 381, 383.

¹¹³ Е. И. Вайнберг. Указ. соч., стр. 254—255, 257.

¹¹⁴ Там же, стр. 262.

¹¹⁵ К. Н. Сербина. Борьба крестьян с заводовладельцами во второй половине XVII в. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 320—322.

братья вели активную борьбу»¹¹⁶. Мы думаем, это — правильное замечание. К сожалению, автор не развивает его. В действительности нередко бывало так, что, вкусив плоды более вольготной жизни, чем прежде (перейдя, скажем, на денежный оброк), крестьяне уже неохотно возвращались в прежнее барщинное ярмо. И вообще стремление к земле и воле проявлялось у крестьян особенно активно тогда, когда они видели реальные перспективы своей борьбы.

Повседневная, будничная борьба крестьянства за свои каждодневные насущные интересы прослеживается в работах последних лет, относящихся к различным районам страны и к различным периодам русской истории. И. А. Булыгин приводит факты о сопротивлении крестьян Пензенской губернии феодальному гнету в XVIII веке. Крестьяне плохо исполняли барщинные работы, регулярно попадали в число недоимщиков по уплате оброка, осуществляя «явочным порядком отказ от оброчных платежей, а если и платили, то «с дракою»¹¹⁷. В работах по истории Урала и Сибири отмечаются те же формы повседневной борьбы крестьянства против феодального гнета, что и в Центральной России, но с учетом специфики исторически складывающихся условий в этих районах¹¹⁸.

Все эти материалы еще раз подтверждают правоту тех историков, которые считают, что повседневная, будничная борьба крестьянства, пусть и не столь эффективная, как крупные классовые схватки, оказывала огромное воздействие на ход жизни русской деревни периода феодализма. Эта борьба способствовала эволюции феодальной ренты, росту отхода и другим разрывающим путы крепостничества явлениям, как бы очищая феодализм от жесточайших форм эксплуатации и содействуя созреванию в недрах феодализма капиталистического уклада.

Таким образом, историография русского крестьянства последних лет активно участвует в решении вопроса о роли и месте трудящихся масс России в социально-экономическом развитии страны. Творческий поиск советских историков в основном направлен на выявление производительных возможностей русской деревни. Исследовательские работы последних лет показывают, что от века к веку крестьянское хозяйство не заходило в тупик под давлением крепостнического пресса, а активно сопротивлялось этому давлению всеми имеющимися в его распоряжении социально-экономическими средствами, крестьяне поднимались на открытую классовую антифеодальную, антикрепостническую борьбу. На различных этапах русской истории эти средства и условия были различными, но одно сближает тенденции развития русского крестьянства во все периоды феодализма — стремление преодолеть крепостническую эксплуатацию, выйти на простор свободного хозяйствования. И в периоды между острыми классовыми схватками народ не безмолвствовал. Русское крестьянство, пройдя через крепостнический ад, сумело сохранить все качества народа-созидателя, труженика и борца, внося свои классовые коррективы в феодально-крепостнический уклад русской жизни, отвечая на наступление крепостничества антикрепостническими стремлениями и добиваясь их реализации.

¹¹⁶ А. Л. Шапиро. Волнения старорусских крестьян в 1671 г. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России», стр. 315.

¹¹⁷ И. А. Булыгин. Указ. соч., стр. 152.

¹¹⁸ См., например, А. А. Кондрашенков, Н. А. Лапин. Указ. соч., стр. 43—45.